

ФИЛОСОФИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Философия и литература

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-7-23

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Философские измерения художественного творчества

Сиземская И.Н.

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается внутреннее единство философии и художественного творчества (литературного и поэтического) в качестве генетического кода отечественной культуры. Особенности последнего автор связывает со способом русского философствования, которое исходит в своих построениях из единства понятийного и образного отражения мира как необходимого условия его адекватного постижения. Автор обращается к истории философской рефлексии этой проблемы, имевшей место в литературной критике и русской философии XIX–XX вв. (В.Ф. Саводник, П.П. Перцов, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, Вл. Соловьев, С.Л. Франк). Отдельным предметом рассмотрения в статье стал жанр «философия-поэзия», оформившийся в эпоху Золотого века отечественной культуры, в рамках которого поэзия через свою метафизику, систему художественных образов, интуиций и символов раскрывала общечеловеческие смыслы бытия (Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Вл. Соловьев). Автор отмечает трансформации, происшедшие в ее смысловом и образно-символическом поле в ответ на вызовы XX в. (К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, М.А. Волошин, Ф.К. Сологуб, Д.С. Мережковский), обозначившие последующее сближение поэзии с философской антропологией (А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, М.В. Цветаева, В.Т. Шаламов). В статье показано, что и сегодня смысловое созвучие картин мира, создаваемых философом и поэтом, остается их исходным основанием, свидетельствуя о дополняемости философского и художественного творчества как константы человеческого отношения к миру, заложенной в него природой человека –

существа думающего и чувствующего, постигающего мир, отрицая или принимая его, разумом и сердцем.

Ключевые слова: русская философия, антропоцентризм, философская антропология, литературное творчество, эмоциональное мышление, поэтический образ, философия-поэзия, творческое вдохновение, социальные измерения творчества.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

sizemskaya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

Для цитирования: Сиземская И.Н. Философские измерения художественного творчества // Философские науки. 2020. Т. 63. № 3. С. 7–23. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-7-23

Philosophical Dimensions of Literary Creativity

I.N. Sizemskaya

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Abstract

The article discusses the internal unity of philosophy and literary (prosaic and poetic) creativity as the code of Russian culture. The author explains the features of the Russian literature by approaching the method of philosophizing that proceeds from the unity of the conceptual and imaginative reflections of the world as a necessary prerequisite for its adequate comprehension. The author turns to the history of philosophical reflection of this problem in literary criticism and Russian philosophy of the 19th–20th centuries (V.F. Savodnik, P.P. Pertsov, I.A. Ilyin, V.V. Zenkovsky, V.S. Solovyov, S.L. Frank). Special attention is paid to the “philosophy-poetry” genre of the Golden Age of Russian culture, in which poetry through its metaphysics, through a system of artistic images and symbols revealed the universal human meanings of being (E.A. Baratynsky, F.I. Tyutchev, A.A. Fet, V.S. Solovyov). The author describes the transformations that took place in the semantic and figurative-symbolic field of literature in response to the challenges of the 20th century (K.D. Balmont, A. Bely, A.A. Blok, V.Ya. Bryusov, M.A. Voloshin, F. K. Sologub, D.S. Merezhkovsky), these transformations contributed to the convergence of poetry to philosophical anthropology (A.A. Akhmatova, B.L. Pasternak, M.V. Tsvetaeva, V.T. Shalamov). The article demonstrates that even today the semantic harmony

of the pictures of the world created by the philosopher and poet remains the basis of literary creativity, testifies to the inevitable complementarity of philosophical and artistic creativity as a constant of human attitude to the world, laid down in it by the nature of man – a being who thinks and feels, comprehends the world by denying or accepting it with reason and heart.

Keywords: Russian philosophy, anthropocentrism, philosophical anthropology, literary creation, emotional thinking, poetic image, philosophy-poetry, creative inspiration, social dimensions of creativity.

Irina N. Sizemskaya – D.Sc. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of Social Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

sizemskaya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9415-9164>

For citation: Sizemskaya I.N. (2020) Philosophical Dimensions of Literary Creativity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 3, pp. 7–23. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-7-23

Если Вселенная имеет смысл, то двух
противоречащих друг другу истин –
поэтической и научной – так же
не может быть, как и двух исключających
друг друга «высших благ» или целей
существования.

Вл. Соловьев

О, вещая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Ф.И. Тютчев

Вместо введения

Интеллектуальная история России накопила немало примеров нерасторжимости философских изысканий и художественного творчества, более того, она свидетельствует, что их взаимная дополняемость, названная в свое время И.А. Ильиным «интимной близостью», является константой человеческого отношения к миру, а если говорить об отечественной духовной культуре, то ее *генотипом*. Этому факту есть свои объясняющие причины. Одна из них (возможно, главная) связана с особенностями русского способа философствования. Его ис-

черпывающую характеристику дали в свое время Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк. Но это предмет отдельного разговора. В контексте нашего рассмотрения проблемы назовем как особо значимые две ее сущностные черты – *антропоцентризм* (постоянство темы человека и состояния его внутреннего мира в качестве превалирующей над другими) и *синкретизм*, т.е. *признание целостности человеческого бытия* во всех его проявлениях и в исторических ипостасях¹. Названная особенность сопрягалась с принимаемым гносеологическим кредо: истина достигается через экзистенциальное включение человека в познавательный процесс, которое дополняет понятийное мышление художественно-образным восприятием мира. Иными словами, субъектом познания утверждался человек не только думающий, но нравственно ответственный за свои деяния, переживающий, способный «стягивать» в единство смыслы добра и зла, свободы и необходимости, человеческого и божественного, небесного и земного, жизни и смерти. Это, с одной стороны, спасало от диктата жестких концептуальных схем и ограничений «рассудочного знания» [Киреевский 1998, 314–336], с другой стороны, располагало художественное творчество к постоянному «философскому беспокойству» (Г.В. Флоровский), наполняя художественные образы философскими прозрениями и смыслами². В итоге философия и все жанры художественного творчества (литература, поэзия, публицистика, литературная

¹ В.В.Зеньковский во Введении к своему фундаментальному труду «История русской философии» выразил эту мысль предельно ясно: «Русские философы, за редким исключением, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [Зеньковский 2001, 23].

² На уровне философской рефлексии утвердилось признание, что, как справедливо отмечает Л.Н. Столович, «в самой философии существуют не только *логико-рациональный стиль* и *стиль религиозно-мистический*, а также *эстетически-образный стиль* изложения философских идей, благодаря которым в историю философской мысли включаются не только философские трактаты и богословские труды, но и «О природе вещей» Лукреция Кара, «Так говорил Заратустра» Ницше, романы Камю. Без эстетически-образного стиля немыслима русская философия, выраженная в романах Льва Толстого и Федора Достоевского, в стихах Державина и Пушкина, Баратынского и Тютчева (см.: [Столович 2008, 133]).

критика) развивались в общей методологической парадигме, которая требовала мысли делала его общезначимым критерием, а «согласие ума и сердца» – исходным основанием философских размышлений о мире и человеке.

Художественное творчество как предмет философской рефлексии

Неразрывность, внутренняя связь философии и художественного творчества определили мировоззренческие основания всей отечественной культуры: ее обращение к темам о мире и Боге, об отношении к ним человека, о всеобщих духовно-нравственных смыслах бытия и их роли в повседневной жизни людей, о свободе и социальной справедливости как принципе человеческого общежития, о добре и зле, о войне и мире, о жизни и смерти. Особенно очевидно этот факт заявлял о себе в литературном творчестве XIX в., которое было буквально пронизано философскими идеями, о чем свидетельствуют даже названия литературных произведений – «Былое и думы», «Мертвые души», «Воскресенье», «Война и мир», «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Бесы», «Записки сумасшедшего», «Отцы и дети» и др. Не случайно русская философская мысль формировалась (а в дальнейшем продолжала эту традицию) на базе «толстых» общественно-литературных журналов («Европеец», «Современник», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Полярная звезда», «Вестник Европы»). «Философскому беспокойству» отечественная литература обязана и многими своими идеологемами, ставшими для нее «опознавательными» знаками («лишний человек», «обломовщина», «базаровщина», «герой нашего времени»). У С.Л. Франка были веские основания для утверждения, что «глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных, <...> собственно литературной формой русского философского творчества является свободное литературное произведение» [Франк 1996, 163]. Весь XIX в. в истории отечественной культуры может быть в равной степени назван не только «литературоцентристским», как пред-

ложил В.К. Кантор, но и «философскоцентристским». Названная традиция не утрачивалась и позже, хотя в ответ на новые тренды и вызовы XX в. обнаруживала себя в разных формах и с разной степенью адекватности ее истокам. В этой связи можно вспомнить А.П. Платонова, Е.И. Замятина, Б.А. Пильняка, Б.Л. Пастернака, М.А. Булгакова, В.О. Пелевина, В.С. Маканина, творчество которых обращает читателя к философским смыслам мироустройства и человеческого бытия. В своих конкретных воплощениях связь философии и литературы показала, что, с одной стороны, философия может служить *«магнитной стрелкой»* (Киреевский) в литературном творчестве, а с другой стороны, «сциентизация» не является единственным вектором развития самой философии.

Каждый исторический этап отечественной культуры актуализировал свой интерес к теме, конкретизируя проблемное поле и направленность предлагаемых его интерпретаций. Отдельным предметом философской рефлексии тема взаимной дополняемости философии и художественного творчества стала в конце XIX – начале XX вв., заявив о себе в литературной критике и в анализе проблемы профессиональными философами [Соловьев 1990; Мережковский 1991; Бердяев 1989; Ильин 1993; Бицилли 1925; Франк 1996]. Отдельно следует назвать вышедший в 1896 г. под редакцией П.П. Перцова сборник «Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.Н. Никольского, П.П. Перцова и Вл. Соловьева», в котором объектом анализа стала фактически вся отечественная поэзия XIX в. [Философские течения... 1896]. Это была первая попытка создания своеобразной антологии философско-литературных эссе о союзе художественного творчества и философии, о дополняемости художественно-образного и понятийного способов постижения мира. Опыт Перцова имел «продолжение» спустя более полувека: в 1959 г. в журнале «Вестник РСХД» был опубликован очерк В.В. Зеньковского «Философские мотивы в русской поэзии» [Зеньковский 2007], в котором автор обратился к той же теме. Примечательно, что идея очерка возникла при работе над фундаментальным исследованием

«История русской философии», в котором автор планировал поэзии отвести особое место, а сама она должна была рассматриваться как жанр, который сыграл особую роль в развитии отечественной философской мысли. Зеньковский собирался включить в «Историю русской философии» отдельную главу на эту тему, считая, что обращение к поэтическому творчеству как виду *эмоционального мышления* может многое объяснить в специфике отечественного способа философствования³.

К началу XX в. внимание к данной проблеме стало константой философской рефлексии. В качестве таковой оно сохранилось и в советский период истории философской мысли [Манн 1969; Маймин 1976; Гинзбург 1997; А. Пушкин в русской... 1999; Поэзия как жанр... 2007; Поэзия русских философов... 2011; Сиземская 2014]. Сегодня, как и сто лет назад, исследователи пытаются ответить на прежний вопрос: может ли философия создавать картины мироздания только средствами понятийного мышления и готова ли она в своих построениях использовать художественный язык культуры, следовать меняющимся эстетическим векторам и способам объяснения человеком своего времени и своего отношения к миру. Назову лишь некоторые исследования последних лет, осуществленные в данном направлении: монография А.П. Давыдова «Неполитический либерализм в России» [Давыдов 2012], в которой автор, начиная свой анализ с творчества А.С. Пушкина и доведя его до литературы наших дней, показывает, как идея личности и сопрягаемый с ней принцип свободы творчества реализовывались на страницах художественных произведений, наполняя смыслом, делающим их «своими» и для философии, и для литературы; книга С.А. Никольского «Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв.»

³ Очерк включал «Вводные замечания» и четыре главы – «До Пушкина», «Пушкин и его современники», «Ф.И. Тютчев» и «А.К. Толстой», каждая из которых, по сути, представляла собой философское эссе на тему метафизики жизни и смерти, любви и ненависти, добра и зла, бесконечности пространства и времени. Одновременно исследование Зеньковского было его приговором культуре нового времени, оставившей старый мир «таинственных волшебных дум», и одновременно предчувствием предстоящих испытаний, в которые ее ввергнет фашизм и новая мировая война и которые были уже близкой реальностью.

[Никольский 2015], в которой рассматриваются сложившиеся в отечественной культуре линии и формы связи духовно-ценностных смыслов философского мировоззрения и художественной литературы; коллективная монография С.С. Неретиной, С.А. Никольского, В.Н. Поруса «Философская антропология Андрея Платонова» [Неретина, Никольский, Порус 2019], авторы которой, профессионально занимающиеся философией, обращаются к произведениям А.П. Платонова и В.Т. Шаламова с позиций философской антропологии; исследование А.В. Павлова «Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теория объясняют наше время» [Павлов 2019], в котором предметом анализа стали векторы сопряженности философского видения мира с художественным творчеством в контексте существующих концепций постпостмодернизма. Проблема взаимосвязи философии и художественного творчества, видимо, будет волновать философов до тех пор, пока научно-понятийное и образно-символическое восприятие мира будут оставаться равнозначными способами его освоения, т.е. пока человечество сохранил способность думать и переживать, мыслить и чувствовать, познавать и грезить наперекор уму.

Философия-поэзия: «всё во мне и я во всем»

В контексте рассмотренной выше темы отдельно остановимся на проблеме союза философии с поэзией. История интеллектуального и поэтического творчества накопила немало примеров их сближения. В каждом случае последнее принимало свои формы, но общим при этом всегда оставалось одно – смысл, т.е. мысль, что было «системообразующим» основанием поэтического произведения. Пример тому, если говорить о Золотом веке отечественной культуры, поэзия Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Голенищева-Кутузова, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, А.А. Фета, Вл. Соловьева. С именами этих поэтов утвердился образ «поэта-мыслителя», у которого художественные интуиции всегда полны философского содержания, рождая состояние, названное Вл. Соловьевым *импрессионизмом мысли* [Поэзия как жанр... 2007, 129]. Это такое поэтическое вдохновение, при котором впечатление

сразу переходит в размышление, дает свое отвлеченное отражение и как бы растворяется в нем, а поэт, «схватывая» словом «и темный бред души, и трав неясный запах», немедленно обобщает их в значимые образы и символы, связанные с красотой, истиной и добром, укрощающих злые силы мироздания. Полет поэтического вдохновения рождает мысль-импрессию, уносящую «Я» в мир, скрытый под завесой повседневного существования, позволяет

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упится вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим.

А.А. Фет. «Одним толчком согнать ладью живую...»

Конечно, поэтическое вдохновение, сопровождающие его впечатления и интуиции, бывают разные, но речь идет о тех, в которых внутреннему зору поэта открывается вечное, сокровенное, что приоткрывает тайны жизни и скрытые смыслы человеческого бытия. В поэтическом творчестве происходит как бы примирение рассудка с разумом, понятия с образом, мысли с созерцанием. Отмечая эту особенность человеческого восприятия мира, заложенную в него природой «всечеловеческого Я», Вл. Соловьев писал: «Художественному чувству непосредственно открывается в форме осязательной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга. Это только различные стороны и сферы одного и того же. Между ними нельзя провести разделения, и еще менее могут они противоречить друг другу» [Соловьев 1990, 287]. Поэт нашего времени Варлам Шаламов, пройдя иной жизненный и интеллектуальный путь, скажет об этом то же самое: «Поэзия своими средствами <...> стремится донести до нас именно то,

что не может быть ясно выражено словами, но, тем не менее, существует вопреки Декарту. Стихи работают в этой “пограничной” области» [Шаламов 2016, 305].

По сути, философа и поэта волнуют одни и те же вопросы – о сущности бытия, о жизни и смерти, о добре и зле, о любви и ненависти, о назначении человека в мире, о тайне времени. Только философ «добирается» до них путем умозаключений, а поэт «подтекстом, аллегорией, интонацией, звуковой организацией, переплетенной со смысловым содержанием, сопоставлением дальнего и близкого, то недомолвками, то многозначительностью» [Шаламов 2016, 305], стремясь художественными средствами воспроизвести и донести до читателя то, что философ открывает для себя и человечества через систему понятий и цепь размышлений, средствами логических доказательств. Поэту часто достаточно лишь *шепнуть* о том, пред чем язык философа *немеет*, чтобы приблизиться к сокровенному, над которым тот мучительно и долго размышляет. На язык поэзии может быть переведено любое явление окружающего человека мира и его внутреннего состояния. В этом смысле поэзию можно назвать, как предложил критик-литературовед XIX в. Н.Б. Никольский, *прикладной философией*, аргументируя свою мысль ссылкой на тот факт, что через художественные, эмоционально близкие и понятные человеку «ощутительные» впечатления, поэзия *приобщает* его к философскому постижению жизни. Поэт, облакая свои впечатления-импресии в художественное слово, соединяет образы реального и идеального мира, становится *посредником* между ними, открывая возможность увидеть «невозмутимый строй во всем», услышать, о чем «ропщет мыслящий тростник» и говорит осенний лес, увидеть «людские слезы» и чужое почувствовать своим. У поэта, если он поэт, не «дидактический стихотворец», душа и сердце, постоянно полные тревоги, бьются *«на пороге как бы двойного бытия»* (Тютчев), и это ощущение становится константой его мироощущения.

Из этого «созвучия ума и сердца» рождается та особая форма поэтического творчества, которая получила название «философия-поэзия». Ее истоки связаны с философско-поэтическими поисками Любомудров (Д.В. Вeneвитинов,

И.В. Киреевский, В.К. Кюхельбекер, А.С. Хомякова, В.Ф. Одоевский), взлет – с поэзией Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова, а утверждается она в качестве особого жанра во второй половине XIX в. в поэтическом творчестве А.А. Голенищева-Кутузова, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, К.К. Случевского, В.Ф. Саводника, Вл. Соловьева, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Д.С. Мережковского, П.В. Флоренского, Л.П. Карсавина [Поэзия как жанр... 2007; Сиземская 2014]. Со второй половины XIX в. поэтическое творчество становится способом философского мировосприятия, а поэзия приобретает свою метафизику. Таковой она остается в лоне отечественной культуры до сегодняшних дней. Примеров тому немало, достаточно обратиться к вышедшей в Бостоне в 2011 г. антологии «Поэзия русских философов XX века», в которую вместе с поэтическими шедеврами Л. П. Карсавина («Венок сонетов», «В сомнении коснею у порога небытия») и П.А. Флоренского («Душа себя найти желает», «Песнь восхождения») включены стихотворения Ю. Борева, Л. Матрос, М. Сергеева, Л. Столовича, С. Питаш, Вел. Петрицкого, В. Рабиновича [Поэзия русских философов... 2011]. Антология свидетельствует, что «интимная близость» философской мысли с поэзией остается сущностной характеристикой поэтического мастерства в любое историческое время. В этой связи отмечу еще одну существенную ее характеристику.

«Философию-поэзию» можно назвать особым видом *философской антропологии*. Она вынуждает сердце и душу поэта жить *между* реальным, видимым, и домысливаемым, скрытым мирами, *между* действительным и недостижимым. Это рождает особое эмоционально-психологическое состояние, из которого он не может выйти, оставаясь поэтом: если выйдет, он уже не поэт, а если он не поэт – он мертв как личность. В этом смысле его жизненное существование заключено между жизнью и смертью и раздвоенным оказывается не только внешний, но и его внутренний мир. Поэтому его стихи так часто «твердят о непонятной муке, и воют, и взрывают в ней порой неистовые звуки». Иногда открывающаяся поэтическому взору картина мира предстает угрожающей «бездной», что рождает желание молчать, «жить в себе самом». Не случайно тема «Silentium»

так свойственна для философского жанра поэзии. «Молчание» поэта многозначно, за ним стоит и ощущение, что «всё во мне и я во всем»; при одновременном сомнении: «другому как понять тебя»; и видение скрытых смыслов бытия, перед которыми остановился его ум; и отстранение от «шума людского» при болезненно переживаемом одиночестве; и внезапное прозрение, что «в общем хоре душа не то поет, что море, и ропщет мыслящий тростник». Тогда рождается щемящее заклинание:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои

.....

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..

Ф.И. Тютчев. «Silentium!»

Это, принадлежащее Ф.И. Тютчеву, одно из самых эмоциональных описаний «пограничной ситуации», которую постоянно переживает поэт, и одновременно это точная характеристика ее как концепта философской антропологии. Ее смысл таит мучительное желание выйти из нее, чтобы «допеть, доплакать до конца», чтобы сказать о том, что поэт понял о жизни и смерти, о чести и бесчестии, о верности и предательстве, о любви и ненависти, и одновременно она есть осознание невыполнимости этого желания. Отечественная поэзия дает немало описаний и более трагических форм переживания одиночества, приравняемого поэтом к жизни «в вечной тюрьме». Вот ощущение себя в мире Ф.К. Сологуба:

Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.

.....

В моей пещере темно и сыро,
И нечем ее согреть.

Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.
Ф.К. Сологуб. «Я живу в темной пещере...»

Приведу еще одно описание раздвоенности внутреннего состояния как психологической составляющей мироощущения и поэтического творчества поэтом другого исторического времени. Но как оно близко, хотя выражено другими языковыми и интонационными средствами, эмоциональному состоянию Фета и Сологуба:

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
Б.Л. Пастернак. «Февраль. Достать чернил и плакать!..»

Напомню, что этим стихотворением, написанным Пастернаком в 1913 г., поэт открывал свои следующие сборники.

В XX в. тема жизни в «пограничной ситуации» становится знаковой для поэтического творчества. Она буквально врывается в отечественную поэзию (Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Шаламов), включая в нее новое философско-антропологическое содержание как ответ на трагические реалии советской истории, кровью наполнявшей «скрижали старинной Книги Бытия». В поэзии появляется новая тема: лагерный опыт выживания человека, страшные описания того, у какой последней черты человек теряет человеческое, поиски того, в каких глубинах цивилизованных форм жизни лежит причина превращения человека в *не-человека*. По сути поэзией этого времени был открыт новый модус в философской антропологии, ее предметом стало состояние души, рождаемое жизнью человека в нечеловеческих условиях. Этим, как справедливо отмечает В.Н. Порус, «был обозначен рубеж, с которого должен начаться новый путь философской антропологии. <...> Реальность земного ада станет ее пробным камнем» [Неретина, Никольский, Порус 2019, 228]. Философские каноны Ясперса, исходившие из уважения к страдающему человеку,

попавшему в «пограничную ситуацию», столкнулись с новым социальным опытом, который требовал иного ее осмысления и особого места в проблемном поле философской антропологии. У философии и поэзии появился новый общий гуманистический модус, а у художественного творчества – новое философское измерение.

Заключение

Осуществленный анализ связи философского постижения мира и литературно-художественного творчества позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, сопряжение познавательного и эстетического принципов мировосприятия есть естественный общечеловеческий способ отношения к миру. Поэтому ни художественное творчество, ни философское постижение мира в разъединенности друг от друга не дают адекватной картины мироздания с точки зрения его духовной и ценностно-смысловой значимости для человека. Они представляют две стороны постижения бытия, достигаемого соединением понятийного и образного, рационального и эмоционального способов восприятия и объяснения мира.

Во-вторых, поэтическое произведение, выражая целостное мирознание, несет в себе эти два отношения человека к миру, превращая жизненные, повседневные явления в символы глубоких откровений, наполненных личными переживаниями и интуициями поэта-философа. Поэтому поэтическое слово внутренне связано с мыслью узами нерасторжимого единства.

В-третьих, неразъединимое единство восприятия реальности в мыслях и чувственных образах убедительно демонстрирует жанр философской поэзии, которая, с одной стороны, не редко представляет собой как бы дополнение к картине мира, созданной познающим разумом, а с другой стороны, являет собой самостоятельную, не менее убедительную, интерпретацию глубинных смыслов мироздания и человеческого общежития, увлекающую познающего субъекта в свой особый мир, в свою сферу трансцендентного.

Близость философии и художественного творчества может принимать различные формы, но общим всегда остается одно:

«органическое духовное сродство» (Франк) между мыслителем и художником, между философской рефлексией и образным мышлением, между торжеством разума и «сладостью тайных мук» творческого вдохновения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1989 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. С. 254–435.

Бунин 1977 – *Бунин И.А.* Избранное. Стихотворения. Переводы / сост. и послесл. О. Михайлова. – М.: Московский рабочий, 1977.

Гинзбург 1974 – *Гинзбург Л.Я.* О лирике / 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1974.

Давыдов 2012 – *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012.

Зеньковский 2001 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М.: Академический проект; Раритет, 2001.

Зеньковский 2007 – *Зеньковский В.В.* Философские мотивы русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии. Антология / сост. И.Н. Сиземская. – М.: ИФ РАН, 2007. С. 29–57.

Ильин 1993 – *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. – М.: Искусство, 1993.

Киреевский 1979 – *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979.

Манн 1969 – *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика. – М.: Искусство, 1969.

Мандельштам 1991 – *Мандельштам О.Э.* Об искусстве. – М.: Искусство, 1995.

Маймин 1970 – *Маймин Е.А.* Русская философская поэзия. – М.: Наука, 1976.

Мережковский 1991 – *Мережковский Д.С.* В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991.

Неретина, Никольский, Порус 2019 – *Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н.* Философская антропология Андрея Платонова. – М.: ИФ РАН, 2019.

Никольский 2015 – *Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. – М.: Голос, 2015.

Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теория объясняют наше время. – М.: Дело, 2019.

Пастернак 1988 – *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы / сост. Е.Б. Пастернак, послесловие Н. Банникова. – М.: Художественная литература, 1988.

Поэзия как жанр... 2007 – Поэзия как жанр русской философии. Антология / сост. доктор фил. наук И.Н. Сиземская. – М.: ИФ РАН, 2007.

Поэзия русских философов... 2011 – Поэзия русских философов XX века / сост. М. Сергеев и Л. Столович, вст. статья Л. Столовича. – Бостон, 2011.

Пушкин в русской... 1999 – Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век. / сост. и автор вст. статьи Р.А. Гальцева. – М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Унив. кн., 1999.

Сиземская 2006 – *Сиземская И.Н.* Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии. Антология. – М.: ИФ РАН. С. 5–28.

Сиземская 2014 – *Сиземская И.Н.* Сущее не делится на разум без остатка: отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения бытия // Философия и культура. 2014. № 2. С. 162–173.

Соловьев 1990 – *Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990.

Столович 2008 – *Столович Л.Н.* Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 133–146.

Столович 2009 – *Столович Л.Н.* Философия в поэзии и поэзия в философии // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 67–77.

Франк 1996 – *Франк С.А.* Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.

Философские течения... 1896 – Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.Н. Никольского, П.П. Перцова и Вл. Соловьева / сост. П. Перцов. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1896.

Шаламов 2016 – *Шаламов В.Т.* Всё или ничего. Эссе о поэзии и прозе. – СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 2016.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1989) *The Meaning of Creativity*. In: Berdyayev N.A. *The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity* (pp. 254–435). Moscow: Pravda (in Russian).

Bunin I.A. (1977) *Selected. Poems. Translations* (O. Mikhaylova, Comp.). Moscow: Moskovskiy rabochiy (in Russian).

Davydov A.P. (2012) *Non-Political Liberalis in Russia*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Frank S.A. (1996) *Russian Worldview*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Galtseva R.A. (Comp.) (1999) *Pushkin in Russian Philosophical Criticism. The End of the 19th–20th Centuries*. Moscow: INION RAS; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Ginzburg L.Y. (1974) *On the Lyrics* (2nd ed.). Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Ilyin I.A. (1993) *Lonely Artist. Articles. Speech. Lectures*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Kireevsky I.V. (1979) *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Maimin E.A. (1970) *Russian Philosophical Poetry*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mandelstam O.E. (1991) *On Art*. Moscow: Iskustvo (in Russian).

Mann Y.V. (1969) *Russian Philosophical Aesthetics*. Moscow: Iskustvo (in Russian).

Merezhkovsky D.S. (1991) *In a Quiet Dark Pit. Articles and Research of Various Years*. Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Neretina S.S., Nickolsky S.A., & Porus V.N. (2019) *Philosophical Anthropology of Andrei Platonov*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nickolsky S.A. (2015) *Horizons of Meaning. Philosophical Interpretations of Russian Literature of 19th–20th Centuries*. Moscow: Golos (in Russian).

Pasternak B.L. (1988) *Verses and Poems*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Pavlov A.V. (2019) *Post-Postmodernism. How Social and Cultural Theory Explains Our Times*. Moscow: Delo (in Russian).

Pertsov P. (Comp.) (1896) *Philosophical Trends of Russian Poetry. Selected Poems and Critical Articles by S.A. Andreevsky, D.S. Merezhkovsky, B.N. Nikolsky, P.P. Pertsov, and Vl. Soloviev*. Saint Petersburg: M. Merkushev Typography (in Russian).

Sergeev M. & Stolovich L. (Comp.) *Poetry of Russian Philosophers of the Twentieth Century*. Boston (in Russian).

Shalamov V.T. (2016) *All or Nothing. Essay on Poetry and Prose*. Saint Petersburg: Limbus Press; K. Dublin Publishing (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2006) Russian Philosophy and Lyric Poetry: "The Consent of the Mind and the Heart." In: Sizemskaya I.N. (Comp.) *Poetry as a Genre of Russian Philosophy. Anthology* (pp. 5–28). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sizemskaya I.N. (Comp.) (2007) *Poetry as a Genre of Russian Philosophy. Anthology*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sizemskaya I.N. (2014) Existence is Not Divided into Reason without a Trace: The Domestic Philosophical Thought of a Conceptual and Artistic Way of Comprehending Being. *Filosofiya i kul'tura*, No. 2, pp. 162–173 (in Russian).

Soloviev V.S. (1990) *Poems. Aesthetics. Literary Criticism*. Moscow: Kniga (in Russian).

Stolovich L.N. (2008) Maximilian Voloshin in the Context of the History of Russian Philosophy. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 133–146 (in Russian).

Stolovich L.N. (2009) Philosophy in Poetry and Poetry in Philosophy. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 67–77 (in Russian).

Zenkovsky V.V. (2001) *History of Russian philosophy*. Moscow: Akademicheskii proyekt; Raritet (in Russian).

Zenkovsky V.V. (2007) Philosophical Motives of Russian Poetry. In: Sizemskaya I.N. (Comp.) *Poetry as a Genre of Russian Philosophy. Anthology* (pp. 29–57). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).